

«ПРАВА ЛИТЕРАТУРНОГО ГРАЖДАНСТВА»: ПЕРЕВОДЧИКИ В ЛИТЕРАТУРНОЙ БЮРОКРАТИИ 1930-х годов

ЕЛЕНА ЗЕМСКОВА

В январе 1964 года в Ленинграде состоялся суд над Иосифом Бродским, будущим знаменитым поэтом и Нобелевским лауреатом, обвиняемым в специфическом преступлении советской эпохи — «тунеядстве», то есть отсутствии профессии и постоянной работы. Одним из основных аргументов защиты, помимо неустойчивого психического здоровья обвиняемого, стали ссылки на то, что Бродский работает как переводчик. Адвокат указывала на наличие у Бродского опубликованных переводов и на мнения «экспертов» в этой области — Чуковского и Маршака. Все три свидетеля со стороны защиты характеризовали молодого поэта именно как переводчика.

Переводчица Наталья Грудина сообщила суду, что «переводы Бродского сделаны на высоком профессиональном уровне. Бродский обладает специфическим, не часто встречающимся талантом художественного перевода стихов». На вопросы адвоката и заседателей она ответила, что работа переводчика требует глубоких знаний («Да, для хороших переводов, подобных переводам Бродского, надо знать творчество автора и проникнуть в его голос»), что, даже не зная языка оригинала, переводчик может создавать художественные переводы высокого качества. На вопрос адвоката, считает ли она «подстрочник предосудительным использованием чужого труда», Грудина ответила: «Боже сохрани» [Вигдорова: 223–224].

Филолог Ефим Эткинд, специалист по истории литературного перевода, также поддержал мысль о таланте и успехах Бродского-переводчика:

Перевод стихов — труднейшая работа, требующая усердия, знаний, таланта. На этом пути литератора могут ожидать бесчисленные неудачи, а материальный доход — дело далекого будущего. Можно несколько лет переводить стихи

и не заработать этим ни рубля. Такой труд требует самоотверженной любви к поэзии и к самому труду. Изучение языков, истории, культуры трудового народа — все это дается далеко не сразу. Все, что я знаю о работе Бродского, убеждает меня, что перед ним как поэтом-переводчиком большое будущее [Вигдорова: 226].

Николай Адмони, также как и Эткин, профессор Педагогического института имени Герцена, указал, что знакомство с переводами Бродского из польского поэта Галчинского и других авторов свидетельствует

о большом мастерстве и культуре переводчика. А чудес не бывает. Сами собой ни мастерство, ни культура не приходят. Для этого нужна постоянная и упорная работа. Даже если переводчик работает по подстрочнику, он должен, чтобы перевод был полноценным, составить себе представление о том языке, с которого он переводит, почувствовать строй этого языка, должен узнать жизнь и культуру народа и так далее. А Иосиф Бродский, кроме того, изучил и самые языки [Там же].

Очевидно, все три свидетеля полагают художественный перевод специфическим видом писательского профессионального труда. Все они пытаются сообщить суду, что Бродского нельзя назвать тунеядцем, поскольку занятия художественным переводом можно трактовать не как случайные заработки, а как постоянную работу. Эта узкая писательская специализация обладает одновременно и характеристиками квалифицированного труда (требует знаний, навыков, усилий и времени), и признаками творческой деятельности, требующей определенного таланта, одаренности. Сообщая суду о сути и принципах работы переводчика, свидетели апеллируют к некоторому представлению об этой профессии, которое кажется им общезначимым если не для всего советского общества, то, по меньшей мере, для образованной его части.

Читая стенограмму суда над Бродским, а также другие свидетельства 1960–1980-х гг., мы видим, что занятие переводами художественной литературы мыслится как профессия, и, следовательно, как возможность для того, кто занимается художественным переводом, быть включенным в систему общественных отношений, занять свою ячейку в строгой советской социальной иерархии. Переводческие занятия обеспечивали тем, кому удавалось играть по правилам системы, достаточно устойчивый социальный статус. В этом отношении характерны, например, воспоминания Лиляны Лунгиной о том, как она пыталась получить разрешение на выезд за границу в конце 1970-х:

Все мои коллеги-переводчики ездили за границу, а меня не выпускали. <...> И я написала Андропову <...> И я написала, что вот получила четыре отказа поехать к своим друзьям; люди моей категории, то есть члены секции переводчиков Союза писателей, все ездят, — если я не могу поехать, то просила бы объяснить причины, почему я составляю исключение [Дорман: 334–336].

Здесь Лунгина указывает на определенную «катеорию», почти касту людей, обладающих определенными привилегиями. Сравнивая положение дел в Советском Союзе с постсоветской ситуацией, переводчица Александра Петрова, например, подчеркивает, вероятно, не без преувеличения, свойственный воспоминаниям:

В советское время нелегко было пробиться в печать, но уж зато у переводчиков с именем (тех, кого мы называем «наши замечательные мастера») была не жизнь, а малина: гонорары громадные, сроки для работы большие. А сейчас все наоборот, и, чтобы прожить на литературный заработок, надо переводить много и быстро [Калашникова: 389].

Очевидно, что представление о художественном переводе как о профессии, связанной с определенным социальным статусом, возникло в русской культуре относительно недавно. Еще в 1920-е гг. переводы для частных издательств, к которым прибегали большинство известных и начинающих писателей, считались, скорее, средством временного заработка, чем профессиональным литературным трудом. Однако в 1930-х гг., когда все стороны общественной жизни подверглись жесткому давлению набирающей силу тоталитарной власти, государственные, частные и кооперативные издательства были закрыты, а интеллектуальный труд становился возможным только в жестких рамках «творческих союзов», в частности, Союза писателей. Именно в эту эпоху занятия художественным переводом становятся не литературным жестом, хобби или способом заработка, а способом социальной легитимации тех, кто этим занимается.

Несомненно, открытое обсуждение социального статуса переводчика было невозможно не только в сталинские годы, но и на протяжении всего советского периода. Характерна в этом отношении судьба предисловия Ефима Эткинда к подготовленной им в 1968 г. и уже принятой в печать антологии «Мастера русского стихотворного перевода», весь первый том которой пришлось перепечатывать из-за одной фразы в предисловии: «Общественные причины этого процесса понятны. В известный период, в особенности между XVII и XX съездами, русские поэты, лишённые возможности выразить себя до конца в оригинальном творчестве, разговаривали с читателем языком Гете, Орбеллиани, Шекспира и Гюго» [Эткинд 2001:

118]. «Клеветническими» партийные инстанции сочли лишь намек на то, что в период сталинского правления многие писатели занимались переводами вынужденно.

В следующий раз предметом открытого академического обсуждения социальные роли советских переводчиков стали уже в 1990-е гг. в пионерских работах американских славистов. Лорен Лейтон, сравнивавший статус переводчика и переводческого труда в американской и советской культуре, отдает предпочтение последней и подчеркивает, что в СССР существовала переводческая элита, как на общесоюзном, так и на республиканском уровнях. Именно эта элита, по его мнению, и образовала так называемую «советскую школу перевода» [Leighton: XV–XVI]. Морис Фридберг в работе 1997 г. решительно возражает Лейтону, называя его позицию идеализированной. По его собственным наблюдениям, даже в 1980-е гг. советские переводчики страдали от собственной ущербности, они не могли ездить за границу и даже не всегда имели доступ к иностранным книгам, кроме того, многие из них чувствовали свое подчиненное положение внутри Союза писателей [Friedberg: 117–119].

В предисловии ко второй редакции антологии «Мастера поэтического перевода», вышедшей в той же книжной серии, только через тридцать лет после первой, Эткин вновь вернулся к теме, критически рассматривая советские практики перевода с языков народов СССР:

Начальство считало это необходимым и под него спускало большие капиталы — в результате перевод стихов превратился в работу, не только пользовавшуюся официальным престижем, но и хорошо оплачиваемую. <...> Благодаря гонорарам за переводы те поэты, стихи которых не печатались, могли существовать. Были среди них и такие, кто даже не пытался публиковать собственные стихи; они много и успешно переводили — с языков советского Востока — обеспечили материальную независимость Тарковскому и Семену Липкину. Другие, хотя и не поглощенные в такой же степени переводческим профессионализмом, тоже жили главным образом гонорарами за переводы» [Эткин 2008: 40].

Эти мнения трех исследователей, выступающих здесь, скорее, в качестве современников событий, показывают, что советский переводчик оказывается амбивалентной фигурой. Он предстает то поденщиком, зарабатывающим мизерные суммы и лишенным собственного поэтического голоса, то квалифицированным профессионалом, добившимся определенного общественного положения и успеха. Социальная амбивалентность, как показывает в своем исследовании Шейла Фицпатрик, была одной из характерных черт новой советской идентичности. По мнению исследовательницы,

в 1920–30-е гг. в советском обществе под огромным давлением государства каждый человек вынужден был точно определить собственную социальную идентичность — «приписать» себя к определенному классу. На деле же, утверждает Фицпатрик, «процесс такого приписывания произвел на свет социальные общности, которые походили на классы в марксистском понимании, но которые было бы вернее именовать советскими сословиями [Фицпатрик: 88]. Между новыми советскими сословиями существовали как социальные пропасти, вроде отсутствия паспортов у крестьян, так и «более тонкие различия в правах и привилегиях различных социальных групп» [Там же: 101].

Попробуем транспонировать рассуждения Фицпатрик в область истории советской литературы. Постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. о перестройке литературных организаций, приведшее в итоге к созданию Союза писателей, стало сигналом о смене представлений об идентичности писателя. В двадцатые годы писатель рассматривался как представитель своего класса, пролетарские писатели принципиально отличались от буржуазных «попутчиков». Созданный в 1934 г. Союз советских писателей, в который принимали в обмен на лояльность всех писателей, ранее приписываемых к враждующим классам, оказывался уже «сословной» организацией. Членство в Союзе писателей обеспечивало человеку «приписанность» к определенному социальному слою, без которой существовать в советском обществе было затруднительно. Кроме того, членство в СП означало возможность пользоваться сословными привилегиями, участие в распределении материальных благ, таких как жилье и снабжение, а для тех, кто становится частью бюрократической машины союза писателей еще и возможность регулярного заработка [Антипина: 61–69].

Мне представляется, что предложенный Фицпатрик способ описания социальной идентичности советских людей продуктивен и для анализа документов из архива Секции переводчиков Союза писателей. Ниже я постараюсь проанализировать некоторые документы и стенограммы заседаний Секции в 1933–1936 гг., обращая основное внимание на то, как именно участники этих заседаний идентифицируют себя в качестве переводчиков.

Переводчики и создание Союза советских писателей

Сразу после публикации постановления ЦК от 23 апреля «О перестройке литературно-художественных организаций» был образован Оргкомитет будущего Союза советских писателей под председательством Горького.

В составе этого Оргкомитета, среди прочих подразделений, действовало Бюро переводной литературы. Постановлением были закрыты прежние писательские организации, стоявшие на различных идеологических или эстетических позициях. В этих организациях не участвовали те, кто занимался исключительно переводами, поскольку перевод не рассматривался как идеологическая работа. Теперь же предполагалось, что в Союз писателей могут войти не только авторы оригинальных произведений, однако и их работа, заключающаяся в переводе чужих текстов, попадала в зону идеологии, должна была стать политически приемлемой, советской.

В декабре 1933 г. Бюро переводной литературы провело расширенное заседание, названное в сохранившихся протоколах «Московской конференцией переводчиков». Главным вопросом этого заседания были условия вступления переводчиков в Союз писателей. Возможный прием в члены Союза, несомненно, означал большую, чем в прошлом, степень политической лояльности. Как сообщила председательствующая М. Г. Ингбер, «до сих пор в области перевода в значительной мере был кустарный единоличный характер работы без должного серьезного руководства, даже без необходимой критики. Такое положение совершенно недопустимо» [РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 21. Д. 4. Л. 2]. Характерно здесь сравнение переводчика с социально подозрительными кустарями-ремесленниками, не вписывающимися в новое социалистическое общество коллективного труда. Оргкомитет Союза писателей был намерен политически руководить деятельностью переводчиков, постоянно указывая на то, что не всякий занимающийся переводом достоин войти в Союз и быть признанным в качестве «советского переводчика». С другой стороны, в обмен на политизацию работы переводчиков Оргкомитетом предлагались и некоторые материальные блага.

С этих позиций выступил с докладом писатель Петр Павленко. Он указал на огромный «фронт работы» для переводчиков в ближайшие годы и признал, что писательская организация не располагает необходимыми для этой работы кадровыми ресурсами.

Положение с кадрами переводчиков неблагоприятно. Как создалось такое положение? <...> Мы распылили кадры художественных переводчиков, а те, которые остались и работают, оказались в тени.... Вообще по-видимому кадры наших переводчиков никогда не были большими. Постепенно они пополнялись за счет людей, уходящих из других областей литературы. Многие беллетристы уходили в переводы, искусствоведы занимались переводами, создавалось любительство вокруг этого дела и получалось впечатление, что переводчик — это обслуживающий персонал в литературе [Там же. Л. 7].

Таким образом, имеющиеся переводчики виделись руководству будущего Союза писателей социально неопределенной категорией, не до конца профессиональными и готовыми к работе. Павленко выступил с резкой критикой публикующихся переводов, указав на их низкое качество. Однако, одновременно Союз писателей приглашал к сотрудничеству и указывал, что переводчики будут считаться равными прочим писателям:

Переводчики были поставлены в очень незавидные материальные условия... не знают, что будут делать завтра, не уверены в своем завтрашнем литературном дне... Наша задача создать такие условия, чтобы переводчики чувствовали себя кадровыми, основными работниками литературы... [РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 21. Д. 4. Л. 8].

Используя терминологию Фицпатрик, можно сказать, что переводчики, по мысли организаторов Союза писателей, могли быть «приписаны» к писательскому «сословию» и пользоваться его правами и привилегиями. Однако критерии приема переводчиков в Союз писателей были не до конца определенными, как следует из выступления Феоктиста Березовского¹, члена Оргкомитета:

Переводчики, которые органически чувствуют себя работниками литературы, войдут в Союз <...> В уставе <...> говорится так, что членом Союза писателей может быть писатель — драматург, критик и т. д., имеющий самостоятельные творческие труды, напечатанные в литературно-художественных центральных журналах. <...> Вопрос о переводчике решается таким же порядком, что войдут в Союз при наличии творческой продукции, свидетельствующей об определенно сложившемся творческом лице. <...> само собой разумеется, что каждый писатель может быть членом союза в том случае, если он является участником социалистического строительства <...> [Там же. Л. 57–58].

Выступления членов Бюро переводной литературы выдержаны были в духе складывавшегося в то время ритуала «самокритики»: собственную работу по подготовке к Съезду они считали недостаточной, однако одновременно указывали и на «объективный характер» проблем и возможность улучшения ситуации посредством работы самих членов Бюро. Приведем в качестве примера характерное высказывание члена Бюро Инны Зусманович:

Работа Бюро переводной литературы была весьма слабой ... Я должна сказать, что у бюро впечатление, что мы работаем впустую, что никого за нами нет.

¹ В стенограмме указана лишь фамилия выступавшего. По содержанию выступления, однако, можно с большой вероятностью предполагать, что речь идет не о переводчике Юрии Березовском, а о литературном функционере Феоктисте Березовском. См. о нем: [Максименков: 212–258].

Не хватает сил, потому что чрезвычайно пассивна вся переводческая масса, оргкомитет не видел переводчика ... При этом я совершенно уверенно говорю, и могу привести целый ряд примеров, что скандальные случаи, о которых говорил Павленко и которые имеют еще место в переводной практике, как раз касаются не членов нашей организации. ... Пройдя квалификацию наших уважаемых известных всем вам квалифицированных работников, мастеров переводного дела, в такие ситуации не попадали [РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 21. Д. 4. Л. 19–20].

Все выступавшие от имени переводчиков стремились так или иначе убедить собрание в том, что их прием в Союз писателей на равных с другими литераторами основания наилучшим образом скажется на качестве их работы. Способствовать повышению качества должны были различные усилия набирающей обороты бюрократической машины будущего Союза. Члены Бюро предлагали проводить вечера переводной поэзии (что в определенной мере соответствовало социалистическому соревнованию на производстве), организовать курсы повышения квалификации для переводчиков, сотрудничать с издательствами по вопросам подбора кадров для переводов. Также на этом заседании было сообщено, что Бюро будет готовить доклад о художественном переводе для Съезда писателей.

Делегатами Первого всесоюзного съезда советских писателей, проходившего в течение двух августовских недель 1934 г. в Москве, стали многие переводчики, однако отдельного доклада о художественном переводе и важной роли переводчиков в развитии советской литературы в программе не было [Первый всесоюзный]. Большинство выступавших проблемы перевода не затрагивали. Исключением стали лишь выступления представителей Грузинской ССР, восхвалявших переводы из грузинской поэзии, выполненные Борисом Пастернаком и Николаем Тихоновым. Никто из тех, кто участвовал в заседаниях Бюро переводной литературы, не выступал на съезде. Мандатная комиссия, регистрировавшая делегатов, не фиксировала перевод как отдельный вид литературной деятельности. В отличие от прозаиков, поэтов, драматургов, критиков и даже детских писателей, переводчики не были официально включены в реестр писательских профессий. Этот момент кажется весьма важным, поскольку в очередной раз подчеркивает неустойчивый, амбивалентный характер существования переводчиков внутри писательской бюрократической машины. В Союз писателей принимали людей, не имевших других опубликованных произведений, кроме переводов, переводчики были «приписаны» к «творческому» сословию. Однако и внутри этого сословия были социальные границы, которые переводчик не мог преодолеть: драматурги, прозаики, критики, публи-

ковавшие от своего имени идеологически верные тексты, занимали в писательской иерархии более высокие позиции.

От Первого всесоюзного съезда писателей к Первому всесоюзному совещанию переводчиков

Секция переводчиков в Союзе писателей была создана сразу же после съезда и проводила регулярные заседания, начатые Бюро переводной литературы. В октябре 1934 г. было избрано Бюро секции в составе Дмитрия Горбова, Ольги Гальперн [РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 21. Д. 14. Л. 3], Георгия Шенгели, Бориса Ярхо и Павла Зенкевича. Все пятеро, а также большинство участвовавших в заседаниях членов Союза писателей, еще недавно, хотя и занимались переводами, никак не называли бы перевод своей профессией и не идентифицировали бы себя в качестве переводчиков. Достаточно сказать о выдающемся ученом Борисе Ярхо², до 1929 г. работавшем в ГАХН, и Дмитрие Горбове³, одном из ведущих литературных критиков объединения «Перевал». Когда в мае 1936 г. состав Бюро переизбирался [Там же. Л. 33–38] и существенно обновился, в нем уже не было арестованного к тому времени Ярхо, Горбов перестал участвовать в заседаниях по болезни, а Гальперн перешла на работу в Иностранную комиссию ССП. Четверо из шести новых членов Бюро секции — Наталья Касаткина, Осип Румер, Валерий Тарсис и Вера Топер — занимались в своей профессиональной жизни преимущественно переводами и, с точки зрения «новой сословности», могли быть идентифицированы как «советские переводчики».

В целом можно сказать, что программа деятельности Секции, заявленная на конференции в декабре 1933 г., была во многом реализована в 1934–1936 гг. Проводились регулярные заседания с научными докладами и творческие вечера. Особенно важным всем членам секции представлялся вопрос о специальном переводческом образовании. Борисом Ярхо был написан проект программы двухгодичного семинара по повышению квалификации переводчиков с европейских языков [РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 21. Д. 1. Л. 21–22]. Очевидно, именно наличие специального профессионального образования могло указывать на сложившуюся профессионализацию рабо-

² О переводческой деятельности Ярхо см. кратко в биографической части предисловия публикаторов «Методологии точного литературоведения» [Акимова, Шапир: VII–XXXII]. Этой теме был посвящен неопубликованный доклад Марины Акимовой «Б. И. Ярхо в издательстве “Academia”» на конференции «Мировая литература как советский культурный проект» (Москва, ВШЭ, 2017).

³ О Дмитрие Горбове см.: [Белая: 443–489].

ты переводчика и таким образом гарантировать социальный статус носителей этой профессии, особенно тех, кто преподает, занимается воспроизводством кадров.

Один из наиболее интересных документов в этой связи — докладная записка, написанная, скорее всего, также Ярхо [РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 21. Д. 1. Л. 23–26]. В этом документе, посвященном необходимости введения специального образования для переводчиков, рассматриваются социальное происхождение и переводческие навыки людей, занимающихся переводом. Автор выделяет несколько категорий переводчиков, рассматривая полученное ими образование, фактически указывающее на социальное происхождение, с точки зрения его пригодности для перевода тех или иных текстов. К первой группе относятся переводчики, имеющие университетское историко-филологическое образование, многие из которых владеют несколькими иностранными языками «практически» (то есть говорят на иностранных языках) и «лишь филологически» (то есть обладают навыками критического чтения текстов на языке). Как пишет Ярхо, эта категория

<...> обладает одним недостатком: образование работники этой категории большей частью получили до мировой войны: после этого они за границей не бывали, а некоторые и вовсе незнакомы с западноевропейской жизнью. Современной художественной литературой они снабжаются слабо. А потому, являясь наилучшими переводчиками классиков, они мало пригодны для переводов современной литературы [Там же. Л. 23].

Очевидно, что в этом пассаже описываются люди одного с Ярхо круга и социального происхождения, именно эти люди составляли старшее поколение членов Секции. Представители старой «буржуазной интеллигенции» не претендуют на перевод современных идеологических произведений, но считают себя способными исполнить роль посредников между новой советской читательской аудиторией и иностранной классикой. Этой категории противопоставляются люди нового поколения, «окончившие лингвистические или педагогические вузы» уже после революции:

У этих переводчиков замечается недостаток практических знаний языков. Историческая подготовка (даже в области истории языка) большей частью ничтожна. Познания в области теории литературы встречаются далеко не у всех. Зато хорошая политическая подготовка, большее знакомство с современным, особенно, газетным языком, дают этой категории крупное преимущество при переводе послевоенной литературы: но и тут при более сложных в художественном отношении текстах их познания оказываются иногда недостаточными [Там же. Л. 24].

Далее в документе речь идет о необходимости обучения представителей этой самой второй, политически подготовленной, но малообразованной категории, а также других категорий переводчиков. В записке не говорится, кто именно их должен учить, но из проектов курсов для переводчиков можно понять, что члены Бюро и секции собирались принять в этом активное участие, поскольку мыслили именно себя носителями высоких профессиональных стандартов. Обучение переводчиков, действительно, было начато в 1936 г. в Литературном институте [РГАЛИ. Ф. 632. Оп. 1. Д. 408, 409], а заведующий кафедрой художественного перевода Борис Грифцов был избран в Бюро Секции переводчиков [РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 21. Д. 14. Л. 37].

Важным бюрократическим успехом Секции переводчиков и, как представляется из документов, лично председателя секции Павла Зенкевича стало проведение в январе 1936 г. Первого всесоюзного совещания переводчиков, организованного Союзом писателей совместно с Гослитиздатом, роль которого в истории советского перевода подробно рассматривалась Сусанной Витт [Witt: 141–184]. Всесоюзное мероприятие, подробно освещавшееся «Литературной газетой», помимо очевидного идеологического посыла, связанного с необходимостью политического контроля над коммуникацией на разных языках народов СССР, обозначало и государственное признание перевода как литературной профессии. Однако положение переводчиков внутри Союза писателей оставалось проблематичным, на что Зенкевич указал в самом начале заседания Секции переводчиков, посвященного подготовке к совещанию. Он предполагает в своем будущем докладе говорить

<... > чуть ли не впервые о положении переводчика в нашей стране, о его бытовом положении, материальном положении, правовом положении. ... пора подумать о том, что если переводчики являются в настоящее время одними из членов семьи союза писателей, то надо посмотреть, уравнен ли он в правах с остальными членами этой семьи [РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 21. Д. 8. Л. 7 об.].

Участники этого подготовительного заседания довольно эмоционально высказывались по поводу собственного социального статуса и положения переводчиков в Союзе писателей. Поводом для таких высказываний стали не только опасения подвергнуться атаке литературной критики, которая приравнивала ошибки переводчиков к политической неблагонадежности, но и неустойчивое материальное положение, а также неудачи в борьбе за материальные ресурсы, распределявшиеся через Литфонд.

Наиболее емко эти настроения выразил в своем выступлении Александр Ромм. По его мнению, переводческую секцию и ее инициативы игнорируют все, кто имеет репутацию «не только переводчика». По мнению Ромма, никто не выбирает профессию переводчика добровольно, для всех она оказывается вынужденным занятием:

Тут кто-то сказал, что с нами обращаются как с писателями второго сорта. Если бы это было так, то было бы еще ничего. С нами обращаются как с переводчиками второго сорта и переводчики первого сорта нами брезгают. ... Мы не видим набора советской молодежи в среду переводчиков.... Люди не хотят быть переводчиками, потому что это чувство социальной неполноценности, с которым переводчик рождается, развивается и честно умирает, препятствует людям хотеть быть переводчиками. Люди этим занимаются поневоле [РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 21. Д. 8. Л. 28].

Другой участник заседания Павел Карaban (Шлейман) указал на то, что большинство переводчиков не принимают в Литфонд, то есть не допускают до основных материальных привилегий, которыми располагал Союз писателей. Карaban полагал, что это обстоятельство необходимо учесть докладчику на Совещании, «чтобы мы не были на положении каких-то лишенцев или иждивенцев» [Там же. Л. 29]. В очередной раз обратим внимание на использование в связи со статусом переводчиков лексики, связанной с советской социальной идентичностью. «Лишенцами» называли лиц, лишенных избирательных прав по признаку социального происхождения, а «иждивенцами» были несовершеннолетние дети и неработающие. Возражать на эти высказывания был вынужден председатель секции Павел Зенкевич. Он отметил:

Критика о переводах поставлена неудовлетворительно, это правильно, но нужно делать какие-то выводы и после того, как перед переводчиками раскрылись двери Союза писателей, после того, как переводчики получили права литературного гражданства, — все остальное заложено уже в нас самих. Это не значит, что мы должны вообразить себя гениями, но я возражаю против такой унижительной линии для переводчиков. Не так наше дело плохо [Там же. Л. 56].

Понятно, что оптимистический тон высказывания Зенкевича объясняется его позицией как руководителя секции. Ромм говорил о низкой привлекательности секции переводчиков для тех членов союза, которые хотя и являются действующими переводчиками, но имеют также возможность выступать в роли поэта или прозаика. По мнению Ромма, поддержанному другими выступавшими, бюрократические ресурсы секции слишком ограничены, чтобы отстаивать статус переводчиков внутри Союза. Зенкевич,

отвечая на высказывания коллег, рассуждает, прежде всего, как бюрократ от литературы, говоря об аппаратных неудачах и успехах. В такой перспективе сам факт признания «писательского» статуса переводчика уже оказывается серьезным бюрократическим достижением, как и существование отдельной переводческой секции, способной, по мнению ее руководителя, чисто аппаратными, бюрократическими методами добиваться улучшения статуса собственных членов. Зенкевич не возражает коллегам по существу, он предлагает им посмотреть на ситуацию как на промежуточный итог работы, которая далеко не закончена. Один из пунктов проекта резолюции гласил:

Поставить вопрос о необходимости повышения гонораров переводчикам художественной литературы и просить издательства национальных республик поднять гонорары за переводы классиков мировой и русской литературы до уровня авторского гонорара. Просить ССП СССР и ССП нацреспублик заслушать отчеты издательств о системе оплаты труда переводчиков и наметить конкретные меры по улучшению условий труда и быта переводчиков [РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 21. Д. 9. Л. 1].

Однако на самом Всесоюзном совещании переводчиков, где в течение двух с половиной дней были заслушаны четыре больших доклада и сорок пять человек выступили в прениях, материальные проблемы переводчиков и их положение среди писателей отошли на задний план. Представители союзных республик наперебой рассказывали о сравнимых со стахановскими успехах в деле перевода русской классики и партийных документов на свои языки. Второй магистральной темой стали принципы художественного перевода, и эта тема была резко политизирована уже в первом докладе литературного критика Иоганна Альтмана. Однако и статус перевода как профессии, и проблематичное социальное происхождение переводчиков оставались некоторым фоном многих выступлений. Например, представитель Карельской республики Виртанен сделал такое отступление от своего доклада, вызвав смех в аудитории:

У нас некоторые выражаются так, что переводчики обычно бывают разложившиеся элементы (смех). Некоторая доля правды здесь есть. У нас бывает иногда так, что человека уволили со службы за пьянство, или за другой проступок, а он начинает заниматься переводами (смех). Или еще так бывает — люди, освободившись из дома заключенных, начинают заниматься переводами. Так что было некоторое основание у товарищей, которые так заявляли. Но, конечно, нельзя считать, что только разложившиеся элементы у нас занимаются переводами. Я уже говорил, что у нас не умеют поднять на должную высоту этот вопрос. Настоящее совещание является для нас большим событием, и мы наде-

емся много получить от этого совещания [РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 8480. Л. 131].

Характерно, что это высказывание выдержано в сатирическом тоне, в котором только и оказывается возможным описание реальности, не вписывающейся в официальные идеологические рамки, а в конце появляется обязательное для советской сатиры указание на будущее исправление ситуации.

Другим примером обращения с неудобным фактом того, что переводчики оказываются под подозрением из-за своего двусмысленного положения и самой природы перевода как межкультурной коммуникации, мы видим в выступлении Инны Зусманович. Она призывает собравшихся сравнить сегодняшний статус переводчиков с тем, что было раньше:

<...> здесь собрались — плохие ли, хорошие — но специалисты своего дела, люди, работающие в определенной области, люди литературные. Ведь мы не можем забыть о том, что несколько лет тому назад переводчики были, по существу, люди самых различных социальных прослоек и самых различных социальных медвежьих уголков, если можно так выразиться. Это были люди, которые получали из-за границы от эмигрантских родственников книги и переводили их в наших издательствах. Не надо забывать, что сейчас мы находимся как будто в своей семье, у нас как будто есть общие большие задачи и об этих задачах мы собирались поговорить [РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 8480. Л. 224].

Примечательно в этом фрагменте повторяющийся конъюнктив — «как будто», выдающий неуверенность и обеспокоенность человека, проговаривающего то, что не укладывается в общую картину социалистических успехов и потенциально содержит опасность обвинений в антисоветской деятельности. В определенном смысле организаторам совещания повезло, что они успели провести его до начала кампании борьбы с «формализмом», открывшейся через три недели статьей в «Правде» о музыке Шостаковича, после которой уязвимым для обвинений в контрреволюционной деятельности оказывался практически любой творческий работник. Однако сталинские репрессии не миновали и членов Секции переводчиков, хотя из протоколов заседаний невозможно заключить, что кто-то из участников отсутствует потому, что уже арестован, на эту тему наложено негласное табу, отсутствие кого-либо из членов секции никак не фиксируется ни в протоколе, ни в выступлениях.

Два из многих сфабрикованных НКВД политических дел напрямую затронули постоянных участников Секции переводчиков. В феврале 1935 г. по «Делу по обвинению немецко-фашистской контрреволюционной организации на территории СССР» был арестован Дмитрий Усов, участвовав-

ший во многих заседаниях, а осенью был арестован Борис Ярхо. Дело, известное под названием «дела о немецко-русском словаре», стало поводом для ареста многих бывших сотрудников ГАХН и переводчиков издательства “Academia” [Нешумова: 51–56]. С уходом Ярхо, который в ГАХН возглавлял сектор по изучению художественного перевода, в секции прекратились систематические научные заседания. Не прошло и года после ареста Ярхо, как по делу «украинских националистов — литературных работников» были арестованы Павел Зенкевич и Павел Карабан (Шлейман) [Мандельштам]. После ареста Зенкевича активность переводческой секции пошла на спад, в 1937 и 1938 гг. несколько заседаний были проведены под председательством Шенгели, и в 1938 г. секция была расформирована. Переводческая активность переместилась в национальную секцию. Отдельная секция переводчиков, уже с уточнением «переводчиков западных литератур», была восстановлена лишь после войны.

События 1930-х гг. во многом определили место переводчиков в литературной иерархии и советском обществе не только сталинской эпохи, но и более поздних периодов. Очевидно, однако, что в годы оттепели и позднего социализма с усложнением социальной структуры советского общества более разнообразными стали и социальные функции переводчиков. Так, Брайан Бер подчеркивает роль переводчиков в становлении самосознания поздней советской интеллигенции [Ваер: 537–560], Станислав Савицкий указывает на роль переводов для функционирования неофициальной литературы [Савицкий: 44 и др.]. Подробное изучение более поздних документов из фонда Союза писателей, которое я планирую предпринять, и других советских институций может позволить в дальнейшем исследовать историю трансформаций переводческой профессии, приведших к ситуации, описанной в начале статьи. Как мне представляется, рассмотрение истории литературного перевода в СССР сквозь призму подходов социальной истории может позволить описать перевод как социальную практику советского общества и лучше понять роль переводной литературы в закрытом советском обществе.

Литература

РГАЛИ. Ф. 613; Ф. 631; Ф. 632.

Акимова, Шапир: *Акимова М., Шапир М.* Борис Исакович Ярхо и методология точного литературоведения // Ярхо Б. Методология точного литературоведения. Избранные труды по теории литературы. М., 2006.

Антипина: *Антипина В.* Повседневная жизнь советских писателей. 1930–1950-е годы. М., 2005.

Белая: *Белая Г.* Дон Кихоты революции — опыт побед и поражений. М., 2004.

Вигдорова: *Вигдорова Ф.* Право записывать. М., 2017.

Дорман: *Дорман О.* Подстрочник. Жизнь Лиллианы Лунгиной, рассказанная ею в фильме Олега Дормана. М., 2010.

Калашникова: *Калашникова Е.* По-русски с любовью: Беседы с переводчиками. М., 2008.

Максименков: *Максименков Л.* Очерки номенклатурной истории советской литературы // Вопросы литературы. 2003. № 4.

Мандельштам: *Мандельштам Е.* Воспоминания / Публ. Е. Зенкевич. Предисл. А. Меца // Новый мир. 1995. № 10 / http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1995/10 (Дата обращения: 18.12.2017).

Нешумова: *Нешумова Т.* О Дмитрие Усове — поэзия и правда // Усов Д. «Мы сведены почти на нет ...». М., 2011. Т. 1.

Первый всесоюзный: Первый всесоюзный съезд советских писателей 1934. Стенографический отчет. Репринтное воспроизведение издания 1934 г. М., 1990.

Савицкий: *Савицкий С.* Андеграунд. История и мифы ленинградской неофициальной литературы. М., 2002.

Фицпатрик: *Фицпатрик Ш.* Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века. М., 2011.

Эткинд 2001: *Эткинд Е.* Записки незаговорщика. Барселонская проза. СПб., 2001.

Эткинд 2008: *Эткинд Е.* Русская переводная поэзия XX века // Мастера русского поэтического перевода, XX век. СПб., 2008.

Baer: *Baer, B. J.* Literary Translation and the Construction of a Soviet Intelligentsia // Massachusetts Review. 2006. Vol. 47 [3].

Friedberg: *Friedberg, M.* Literary Translation in Russia: A Cultural History. Penn State University Press, 1997.

Leighton: *Leighton, L. G.* Two Worlds, One Art: Literary Translation in Russia and America. Dekalb: Northern Illinois University Press, 1991.

Witt: *Witt, S.* Arts of Accommodation: The First All-Union Conference of Translators, Moscow, 1936, and the Ideologization of Norms // The Art of Accommodation: Literary Translation in Russia, eds. L. Burnett, E. Lygo. Oxford: Peter Lang, 2013.